Journal of Frontier Studies. 2020. No 3 | e-ISSN: 2500-0225
https://doi.org/10.46539/jfs.v5i3.220 | Frontier in the World Context

BOUNDARIES AND MEN IN POLAND FROM THE TWELFTH TO THE SIXTEENTH CENTURY: THE CASE OF MASOVIA[1]

Grzegorz Myśliwski (author) (a), Emilia A. Taysina (translator) (b)

(a) University of Warsaw. Warsaw, Poland. Email: grzegorzms[at]interia.pl

(b) Kazan State Energy University. Kazan, Russia. Email: emily_tajsin[at]inbox.ru

Abstract

The article concerns the emergence and proliferation of the artificial, local boundaries in the region of Masovia, the area situated in the basin of the middle Vistula River. The poor soils of this heavily forested region delayed rural and urban colonisation here, in comparison with other Polish regions. In spite of the fact that the first source reference to such boundaries in Masovia is relatively early (dating from 1185), the recurrent raids by Prussian and Jadźwing tribes as well as by the Lithuanians in the thirteenth and fourteenth centuries stopped the development of colonisation. Consequently, delimitation began at the turn of the thirteenth and fourteenth centuries, intensified from around 1360 onward, and reached a climax in the fifteenth century. This practice was supported by the establishment of numerous villages and towns according to German law, the breakup of family demesnes, and demographic growth. In addition to natural features of the landscape (rivers, creeks, swamps, hills), and to artificial landmarks designated to serve as border points (roads, bridges, churches, chapels, wells, mills, pagan tombs), artificial border markers were in wide use (usually, mounds of sand or stone, single stones, and X-shaped signs). Border markers also played the role of vehicles of collective, local memory, through their specific names, or as incised/engraved signs (Xes, coats of arms). The history of the emergence and proliferation of artificial border markers and delimitation in Mazovia is part of the story of transforming, organizing and acquiring control over space by medieval societies.

Keywords

Middle Ages; East–Central Europe; Masovia; space; natural environment delimitations; border; markers; medieval mentality

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

[1] The editorial team would like to thank the author Grzegorz Myśliwski and our colleague and editorial board member Piotr Górecki for the opportunity to publish the Russian translation of the article by Myśliwski, G. (2002). Boundaries and Men in Poland from the Twelfth to the Sixteenth Century. The Case of Masovia. In D. Abulafia & N. Berend (Eds.). *Medieval Frontiers: Concepts and Practices* (pp. 217-237). Aldershot

ГРАНИЦЫ И ЛЮДИ В ПОЛЬШЕ С XII ПО XVI СТОЛЕТИЯ: ПРИМЕР МАЗОВИИ[2]

Мысливски Гжегож (автор) (a), Тайсина Эмилия Анваровна (переводчик) (b)

(a) Варшавский университет. Варшава, Польша. Email: grzegorzms[at]interia.pl

(b) ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет". Казань, Россия. Email: emily_tajsin[at]inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается возникновение и распространение искусственных локальных границ в регионе Мазовецкое воеводство, территория, расположенная в бассейне средней реки Вислы. Бедные почвы этого лесного региона задержали здесь сельскую и городскую колонизацию по сравнению с другими польскими землями. Несмотря на то, что первые упоминания о таких границах в Мазовии относительно ранние (датируются 1185 годом), периодические набеги прусских и ядовинских племен, а также литовцев в XIII и XIV веках остановили развитие колонизации. Соответственно, размежевание началось на рубеже тринадцатого и четырнадцатого веков, усилилось примерно с 1360 года и достигло апогея в XV веке. Эта практика была обусловлена созданием множества деревень и городов в соответствии с немецким законодательством, распадом семейных владений и демографическим ростом. В дополнение к естественным особенностям ландшафта (реки, ручьи, болота, холмы), а также к искусственным ориентирам, предназначенным для использования в качестве пограничных пунктов (дороги, мосты, церкви, часовни, колодцы, мельницы, языческие гробницы), широкое применение получили искусственные пограничные знаки (обычно насыпи из песка или камня, одиночные камни и X-образные знаки). Пограничные знаки также играли роль носителей коллективной, местной памяти, благодаря своим конкретным именам или форме вырезанных / выгравированных знаков (кресты, гербы).

История появления и распространения искусственных пограничных знаков и определения границ в Мазовии является частью истории преобразования, организации и обретения контроля над пространством средневековыми обществами

Ключевые слова

Средние века; Восточная и Центральная Европа; Мазовия; пространство; границы природной среды; граница; маркеры; средневековый менталитет

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

[2] Редакция ЖФИ выражает благодарность автору Гжегожу Мысливски и нашему коллеге и члену редакционной коллегии Петру Горецкому за возможность опубликовать перевод на русский язык статьи Myśliwski, G. (2002). Boundaries and Men in Poland from the Twelfth to the Sixteenth Century. The Case of Masovia. In D. Abulafia & N. Berend (Eds.). *Medieval Frontiers: Concepts and Practices* (pp. 217-237). Aldershot

Локальные границы, будучи, правда, не столь часто встречающейся темой исторического исследования как демаркация государств и развитие фронтиров, все же представляют собой привлекательный объект для изучения. Это включает в себя их происхождение, эволюцию их форм и маркеров (Manteuffel, 1929, pp. 221-228; Kiersnowski, 1960, pp. 257-289; Podwińska, 1971, pp. 86, 118, 202-222; Karp, 1972), так же как и пунктуальную процедуру, при помощи которой они были проложены, и социально-юридический их контекст (Łaguna, 1875, pp. 22-55, 196-225; Myśliwski, 1999b, pp. 149-158). Наряду с антропологами историки также обратили внимание на многочисленные культурные последствия демаркации границ (Czarnowski, 1925, pp. 339-358; Banaszkiewicz, 1979, pp. 987-999; Geremek, 1997, pp. 637-642; Banaszkiewicz, 1998, pp. 349-453; Myśliwski, 1999a, pp. 27-36). Все эти подходы используются в нашем исследовании.

Под локальной границей мы подразумеваем местность, которая может иметь разные формы и размеры, разделяющую по крайней мере две различные территории, меньшие, чем государства. По разным критериям можно выделить несколько типов границ в регионе и в рамках исследуемого периода. По размеру выделенной территории мы можем различать границы отдельных домохозяйств *(sors, zreb)* (Lalik, 1970, pp. 9-10); деревень; городов; мест, населенных районными сообществами, называемыми *opole*[3]; административных единиц; и целых государств. Применение имущественного критерия позволяет нам различать частные, церковные и общественные границы. Однако для того, чтобы понять, как средневековый и ранний нововременной человек приобрел контроль над природой, более важны две другие отличительные черты: ход границ частично определялся природной средой, а точность границ частично зависела от того, насколько широким был природно-территориальный комплекс. Что касается первого признака, часто проводится различие между естественными и искусственными границами. Мы можем заменить эти классические категории, применяя полезную типологию Рышарда Кирсновски, который различает «элементы, определяющие» ход пограничной линии, и «элементы, определяемые ею», с учетом вмешательство человека (Kiersnowski, 1960, p. 272). Такая типология лучше подчеркивает человеческую активность в расстановке границ, чем классическая, которая несколько излишне формалистична[4]. Необходимо различить два

[3] Для обзора дискуссий до 1991 г. см.: (Matuszewski, 1991). Также (Modzelewski, 1988, pp. 43-76; Kossmann, 1993; Górecki, 1999).

[4] Например, если бы деревья были намеренно посажены на границе в качестве ее маркеров, они были бы классифицированы как естественные границы, даже если их расположение было установлено исключительно человеком.

основных типа границ (Manteuffel, 1929, p. 223). Первая – это зона, диапазон которой составляет от нескольких до нескольких десятков метров в зависимости от местных условий; вторая, более точная, – это линейная граница. Обе классификации вместе представляются наилучшей отправной точкой для истории локальных границ Мазовии между двенадцатым и шестнадцатым веками.

Исторически, этот регион является польской провинцией, расположенной в бассейне среднего течения Вислы. В средневековый период Мазовия на севере граничила с землями, населенными язычниками (прусскими и ядцвинговыми племенами, покоренными Тевтонским орденом в середине XIII века); на северо-западе и востоке она граничила с территориями Литовского и Русского княжеств; на юге с Малой Польшей (Малопольское воеводство), и, наконец, на юго-западе и западе с Ленчицей [Łęczyca], Великой Польшей (Великопольское воеводство) и провинцией Куявия (Gieysztor & Samsonowicz, 1994). Мазовия представляет собой особенно интересную область для исследования локальных границ из-за двух характеристик ее истории по сравнению с другими польскими регионами: это длительный период политической независимости (1138-1526), а также социально-экономический застой после середины тринадцатого века. Более того, мазовецкие источники не были хорошо изучены учеными, исследующими историю местных границ.

Первый вопрос – какую форму имели наиболее старые местные границы. Очевидно, что сама природа всегда ограничивала ареалы человеческой деятельности болотами, реками с заболоченными берегами, первобытными лесами, холмами, горами и пустошами (Natanson-Leski, 1953, p. 43). Кроме того, как это часто наблюдалось в предыдущих исследованиях происхождения границ, они возникали в основном в результате перемещения поселений; овладев новыми территориями, различные группы поселенцев вступали в конфликт друг с другом, борясь за землю. Таким образом, проведение границ, как кажется, было единственным мирным решением их споров (Manteuffel, 1929, p. 222). Однако это объяснение имеет тенденцию характеризовать лишь самые старые пограничные линии, в то время как границы продолжали возникать на протяжении всего средневековья, часто в районах, которые были заселены в течение длительного времени. Поэтому важно подчеркнуть другие факторы, стимулирующие возникновение искусственных разграничений: демографический рост, развитие способов возделывания земли, появление церковных и частных владений (Podwińska, 1971, p. 203) и, как в позднесредневековой Мазовии, рост

торговли землей и частый распад семейных поместий (Russocki, 1961, p. 38). Возникновение церковных и частных владений в Польше между XI и XIII веками способствовало созданию многих местных границ, хотя некоторые из них должны были быть обозначены особенно рано. Чтобы определить древнейшие мазовецкие границы, мы должны принять во внимание две хартии одиннадцатого и двенадцатого веков: это акт о бенедиктинском аббатстве в Могильно (с. 1065 - сохранившийся в интерполированной версии второй половины двенадцатого века) (Korwin-Kochanowski, 1919, n. 22,13-15), а также более поздняя грамота о земельных наделах для аббатства регулярных каноников в Червинске (1161 г.) (n. 87, 81-82). В обоих документах зарегистрированы такие единицы поселений, как отдельные домохозяйства и деревни с прилегающими землями (*cum appendiciis*), а также группа укрепленных городов, составляющих сеть герцогского управления.

Начнем с границ замков, окружавших города и перечисленных в хартиях. Появление границ административных единиц было вызвано в основном двумя факторами. Прежде всего, эти города выполняют многочисленные социальные функции. Они были юридическими, финансовыми, военными и религиозными центрами, которые действовали как социальные магниты (Modzelewski, 1977, pp. 75-78). Местные крестьяне часто приходили туда, по разным причинам; они также были обязаны ремонтировать укрепления каждую зиму (Modzelewski, 1975, p. 196). Следовательно, благодаря отношениям с городами многие люди стали связаны не только со своими соседними окрестностями, но и с более широким сообществом, целым районом. Более того, во время герцогских объездов они еще должны были обеспечивать *dux ambulans* и его свиту едой, жильем, а иногда и частными лошадьми, и личными проводниками (Gasiorowski, 1977, pp. 139-162). Как свидетельствует хроника XII века Галла Анонима, когда герцог переходил из одного замка в другой, он полагался на услуги крестьян из соответствующих районов: «когда он переходил из одного города в другой, он распускал крестьян [из этого района] на границе [*in confinio*} и нанимал других»[5]. Я разделяю точку зрения Кароля Модзелевского, интерпретирующего *confinium* как границу кастелланий (Modzelewski, 1975, p. 92). Возникает вопрос, какова была форма такой границы. Мне кажется, что термины с приставкой *con*- совпадают не с какой-

[5] ‘Et quotiens de civitate stationem in aliam transferebat, aliis in confinio dismissis, alios ... villicos commutabat’. (Maleczyński, 1952, p. 32).

либо точной демаркационной линией, а с более широкой границей-фронтиром между кастелланиями[6]. Следовательно, это будет зона.

На локальном микроуровне границы районов должны были на практике формироваться путем распределения населения, находившегося под юрисдикцией соответствующего кастеляна, а также микрозонами экономического влияния, также ограниченными природными факторами.

Общественная активность крестьян на микроуровне также способствовала развитию границ. Можно рассматривать проблему границ *zreb* и деревни совместно, потому что польские деревни того времени состояли из нескольких разрозненных, отдельных домохозяйств (Podwińska, 1971, p. 143). Вышеупомянутый устав регулярных каноников в Червинске не содержит никаких ссылок на какие-либо линейные искусственные границы, ни вокруг одного *zreb* или деревни, ни вокруг всего церковного имения. Однако в нем упоминались *appendicia*, и это, кажется, дает ответ на вопрос, что составляло границы вокруг деревень и поселков. *Appendicia* означала территории, простирающиеся вокруг местных центров. Эти угодья также служили пограничными зонами, отделяющими деревни друг от друга. Простирание таких зон определялось не размещением искусственных указателей, а экономической деятельностью местных жителей. Границы каждой зоны заключались в пределы крестьянской пашни. В малонаселенных регионах, таких как большая часть Мазовии, размер этих смежных областей зависел только от физических возможностей одной крестьянской семьи возделывать землю. Однако податель благ подразумевал под *appendicia* не только пахотные поля, но и общие луга и пастбища, используемые всеми соседями в пределах церковного или частного владения. Более того, нужно также учитывать точку зрения отдельно взятой крестьянской семьи, которая была подчинена церковному господству. Помимо обработки пахотных земель, деятельность крестьян распространялась и на соседние герцогские леса, где фермеры пасли свой скот и держали пчел, и откуда в их дома поступали дрова и строевой лес. Таким образом, используемые окраины герцогских лесов, похоже, в какой-то степени воспринимались сосед-

[6] Группа терминов, таких как *confinales, confinalis, confineus, confinia, confinis, con Finitimum, confinitimus, confinium, conterminium, conterminalis*, чаще всего означала что-то вроде «соседство», «соседство», «граница», «нечто близкое», «что-то близкое к [границе]», но не очень точная граница, идея которой выражается скорее с помощью таких терминов, как *finis, finalis, terminus, terminalis*. (Sondel, 1997, pp. 199, 216, 384, 937-938). Характеристику природных и социально-экономических факторов, которые определяли организацию и восприятие локального пространства, подтверждая приведенные филологические рассуждения, см. ниже.

ними обитателями одиночных подворий во многом как своя территория. Они будут неофициальным, вторым кругом зарегистрированных угодий. Однако в случае двух примыкающих друг к другу пахотных полей они были разграничены необработанным гребнем земли (Modzelewski, 1987, pp. 30-31). Это один из двух древнейших типов искусственных линейных границ в пределах польских территорий. Другой – это разграничение двух садов, граничащих друг с другом, деревянными заборами (Podwińska, 1971, p. 89).

На основании этих соображений мы можем заключить, что преобладающей формой локальной границы в Мазовии в XI и XII веках была зона, аморфное пространство различной ширины. Его масштабы в основном зависели от экономической активности местного крестьянства, подчиненного местным центрам. По этой причине зависимость более отдаленных домохозяйств и деревень от кастелланий также играла роль внешних границ. Единственным исключением из этого правила были поселения в густонаселенных районах Мазовии, где использовались нетронутые полосы земли и заборы. Восприятие пространства определялось в то время первозданными лесами и разбросанностью редкого населения. Неудивительно, что пространство воспринималось как густо засаженная деревьями территория, однородность которой нарушалась только реками и рассредоточенными скоплениями населения. Относительно долгосрочная стабильность природных особенностей ландшафта означала, что их часто выбирали для обозначения границы. Это также поддерживалось традиционными способами понимания и создания политического пространства. Самым важным элементом этих традиций была центральная точка, либо освященная политической традицией, либо созданная политическим победителем, который вонзал шест в выбранную землю в знак своего господства (Banaszkiewicz, 1986, pp. 458,464). Когда территория вокруг такого центра не была ограничена линейными элементами ландшафта (такими как реки), ее границы были зональными и непосредственно примыкали к другой зоне, принадлежащей другому объекту, вокруг другого политического центра.

Несмотря на такой давний традиционный подход к пространству, самые старые, хотя и редкие, упоминания искусственно проведенных локальных границ в Польше появляются в письменных документах еще в XII веке (из Силезии, Малой Польши) (Tymieniecki, 1912, p. 83; Podwińska, 1971, pp. 205-212). Более того, цитата о деревне Чарнотыл в хартии бенедиктинцев в Могильно (Korwin-Kochanowski, 1919, n. 22, 14), по-видимому, свидетельствует о существовании единственной искусственной границы в Великой Польше к концу одиннадцатого ве-

ка (*Charnothyl per medium*)[7]. Вопреки утверждениям, ранее высказанным Гансом Юргеном Карпом и Зофией Подвинской (Karp, 1972, p. 125; Podwińska, 1971, p. 217), первые линейные искусственные границы появились на Мазовии не в тринадцатом веке, а двумя десятилетиями раньше. В 1185 году мазовецкий дворянин Жиро подтвердил владения, подаренные его предками церкви Пресвятой Богородицы в пригороде столицы Плоцка: «вот названия деревень, которые были переданы предшественниками этой церкви: Озсек, с озером и всеми окрестностями, рынок в Рохне с таверной, Опинегота с ее границами [*cum terminis suis*] ... Остраванц с его церковью, Сироши, Мурине»[8]. Здесь мы имеем дело с типичным списком деревень, либо с включением некоторых учреждений, отличавших данное поселение (церковь, трактир), либо без каких-либо дополнительных данных. Опиногора упоминается с собственными *terminis*. Должно быть, это было редкое и важное явление, признанное отличительной чертой этого села. Зональные границы были обычным явлением в Мазовии и всегда обозначались как *pertinencia, attinencia, appendicia*, следовательно, *termini* должны были обозначать нечто иное. Несомненно, *termini* означали искусственные линейные участки границы. Множественное число термина может отражать серию искусственных маркеров, составляющих линию границы. Однако слово *termini* могло относиться к единичым пограничным участкам, которые довольно точно отделяли Опиногору от имений других помещиков. Учитывая обстоятельства установления старейшей из известных линейных рукотворных границ Мазовии, уместно обратить внимание на расположение Опиногоры. Это было одно из владений монахинь церкви Пресвятой Богородицы, но удаленное от всех других поместий церкви, примерно в 80 километрах по прямой от ближайшего владения монахинь. Такое большое расстояние поставило под угрозу целостность поместья Опиногора; оно было уязвимо относительно соседних помещиков и их подданных. Маркировка границ этой удаленной деревни должна была отделить и защитить ее территорию. Невозможно определить точную дату разграничения, потому что мы не знаем время дарения деревни. Однако мы знаем, что церковь Пресвятой Богородицы была основана около 1130 года, а последний из жертвователей, Януш, умер до 1150 года (Pacuski, 1982, p. 274). Таким образом, период с 1130 по 1150 год мо-

[7] Похоже, это было одним из первых подарков бенедиктинцам Могильно; (Kürbis, 1968, p. 42)
[8] Hec itaque sunt nomina villarum, quibus a prioribus prefata ecclesia dotata est: Ozsec cum lacu et omnibus appendiciis, forum de Rochne cum tabema, Opinegote cum terminis suis ... Ostrawantz cum ecclesia, Siroczi, Murine.' (Korwin-Kochanowski, 1919, n. 117,112). См. также новую редакцию этого устава в (Szacherska, 1975, n. 3, 6-7)

жет быть признан временем первого зарегистрированного установления линейной искусственной границы на Мазовии.

Другие примеры демаркации в регионе датируются уже только первой половиной тринадцатого века. Линейные границы были выделены по определенным причинам и при различных обстоятельствах. Они возникли в результате отчуждения земли; обозначены были границы для разграничения отчуждаемой территории, так, чтобы стоимость земли была пропорциональна денежной сумме (1227) (Korwin-Kochanowski, 1919, n. 244, 258). Процесс роста оседлости также потребовал установления границ, когда возникала необходимость отделить участок городской территории для поселения иммигрантов, предоставив им статус рыцарей (Piock 1237) (Szacherska, 1975, n. 9, 15-17). Парадоксально, но разрушительные набеги язычников на Мазовию, которые были одной из причин длительной социально-экономической отсталости региона с середины тринадцатого века и далее (Samsonowicz, 1975, p. 118; Suchodolska, 1994, pp. 187-190), могли косвенно способствовать процессу размежевания; разрушение и сокращение населения многих деревень и одиночных домохозяйств открыло для землевладельцев возможность освоить безлюдную местность. Такая ситуация сложилась в Силезии после нашествия монголов в 1241 году. Автор «*Книги Генрикова*» отмечал, что «в те времена ... каждый из рыцарей присваивал то, что и сколько хотел»[9]. Так, цистерцианские монахи приложили усилия, чтобы вернуть свои прежние владения и поддержать свои права собственности в областях, которые они вернули, установив искусственные границы. Несомненно, аналогичные события должны были иметь место и в частично опустевшей Мазовии в тринадцатом веке. Однако периодические набеги язычников приносили и хаос. Следовательно, границы, обозначенные при таких неблагоприятных обстоятельствах, не могли долго сохраняться в неизменном виде; последующее нападение язычников могло вызвать запустение всей очерченной области, вместе с пограничными метами.

Надо признать, что в мазовецких документах тринадцатого века можно найти немного упоминаний о границах, созданных человеком, о точках пересечения линейных границ или их перемещениях (Korwin-Kochanowski, 1919, n. 278 (1230), 302; n. 301 (ca.1230), 345; Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 31 (1257), 31; n. 34 (1256/1257), 37). Их небольшое число контрастирует с большим количеством грамот мазовецких канцелярий. Это особенно примечательно, потому что большинство документов касалось отчуждения земли в форме даре-

[9] ‘illo in tempore ... unusquique militum rapuit, quod voluit et quantum voluit’ (Grodecki, 1949, p. 297). Об этой записи см. (Górecki, 1993, pp. 18-19).

ния, продажи или обмена. Многие документы, касающиеся передачи целых сел, вместо описания границ включали такую терминологию как *cum pertinenciis, cum appendiciis* или *cum attinenciis.* Хотя споры из-за земли, даже сопровождавшиеся кровопролитием, происходили еще в двенадцатом веке, стороны в судебном процессе сосредоточивали свое внимание на целых деревнях, а не на их границах[10]. Первое достоверное свидетельство пограничного спора относится только к 1281 году. Это произошло на границе между Мазовией и провинцией Ленчица [Łęczyca] из-за демаркации, предписанной епископом Влоцлавека без консультации со своими соседями, двумя мазовецкими частными землевладельцами (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 64, 62; Modzelewski, 1987, p. 169).

Хотя, конечно, не все искусственно проведенные границы были зарегистрированы в течение тринадцатого века, в Мазовии было меньше линейных границ, чем в других регионах Польши. Несмотря на это, в Мазовии произошли некоторые изменения, аналогичные изменениям в других регионах Польши, где мы можем наблюдать такие явления, как создание первой искусственной границы и основание поселений в соответствии с новым правовым кодексом; однако масштабы мазовецких случаев оставались намного скромнее, чем их аналоги в Силезии, Малой Польше и Великой Польше. Не так много поселенцев было привлечено в интересующий нас регион, отчасти из-за вышеупомянутого социально-экономического и политического кризиса, а отчасти из-за неплодородной почвы. Поэтому долгое время Мазовия была густо лесистой и малонаселенной, особенно в ее восточной части. Из-за этого демографического фактора большинству землевладельцев не приходилось устанавливать границы вокруг своих владений.

Самые старые местные границы в Мазовии либо были условными линиями, проходящими между отличительными точками, либо воплощались в различных особенностях местности. К таковым относятся элементы природной среды, такие как реки и ручьи, озера, болота, холмы, отдельные деревья или огромные камни, которые составляли первую группу границ. Несмотря на растущее значение искусственных пограничных маркеров в последующие века, природные особенности местности регулярно использовались в качестве пограничных пунктов по нескольким причинам. Большинство из них определяло и

[10] Например, спор о деревне Шарско между кастеляном Визны Болестой и епископом Плоцким Вернером. Епископ был убит братом Болесты по просьбе Болесты. Он был приговорен к смертной казни и казнен (Trawkowski, 1969).

обусловливало пространство человеческой деятельности и поэтому признавалось границами. Отсюда, все жители окрестностей должны были знать свое местонахождение и, следовательно, то, как эти естественные пределы разграничивали данные усадьбы. Более того, стоит подчеркнуть долговечность таких ограждений в отличие от искусственных пограничных знаков. В политически стабильные периоды изменить их место было практически невозможно, за исключением двух исключений из этого правила (вырубка бордюрного дерева или перенаправление пограничного потока в новое русло). Более того, некоторые части культурного ландшафта использовались для удобства, а также потому, что они играли важную роль в местной социально-экономической и культурной жизни. Дороги, мосты, валы, мельницы, колодцы, церкви, часовни и языческие гробницы были одними из самых важных ориентиров на любой местной территории. Что касается последних трех типов пограничных маркеров, их значение подтверждалось верованиями того времени, которые приписывали таким местам сакральную функцию, христианскую или языческую. Считалось, что они охраняют это место и, следовательно, обеспечивают неприкосновенность всего пограничного участка. В своем недавнем исследовании Яцек Банашкевич приводит дополнительные доказательства того, как мифические верования охраняли границу: это были места под названием Змигрод или Змиево, отмеченные в первоисточниках во всех польских регионах между двенадцатым и пятнадцатым веками (Banaszkiewicz, 1998, pp. 439-453). Все эти топонимы происходят от существительного zmy, обозначающего мифического славянского дракона без крыльев, ползучее чудовище (Tomicka & Tomicki, 1975, pp. 38,43-44,48). В буквальном переводе они означают замок (или место пребывания) дракона. Две деревни под названием *Змиево* существовали на мазовецкой границе с Пруссией самое позднее в четырнадцатом веке; и, по всей видимости, они были установлены намного раньше (Banaszkiewicz, 1998, pp. 451-452). Обращаясь под такими названиями к деревням в северной пограничной области, средневековые мазовшане полагали, что они волшебным образом отпугивают своих врагов и эффективно защищают границы своего государства и внутренние районы своей провинции. Убеждение в тесной связи между границами и различными сверхъестественными силами сохранялось в польских сельских общинах долгое время (Stomma, 1986, pp. 90-95). Как упоминалось выше, искусственные маркеры, местоположение которых выбрал сам человек, в тринадцатом веке в изучаемом регионе встречались редко. Подводя итог, можно сказать, что форма линейных границ в Мазовии существенно не отличалась от их анало-

гов в других регионах Польши, за исключением искусственных маркеров, которые редко использовались в Мазовии, в отличие от Силезии или Малой Польши.

Однако использование таких искусственно созданных границ стало необходимым в больших масштабах в первой половине четырнадцатого века по трем основным причинам: конец экономического кризиса, начало политической стабилизации в этой части Европы и колонизация под властью юрисдикции Германии. Экономическое возрождение пришло извне. В первой четверти четырнадцатого века Мазовецкое воеводство подпало экономическому влиянию Ганзейского союза (Samsonowicz, 1975, p. 118). Чуть позже колонизация соседней Тевтонской Пруссии (1310-70) повлияла на одновременные процессы в Мазовии (Biskup & Labuda, 1988, pp. 288-292). Дружественные двусторонние связи между этими соседями на рубеже тринадцатого и четырнадцатого веков позволили им улучшить отношения между епископством Плоцк и его зарубежными соседями. Мы можем наблюдать серию крупномасштабных разграничений между основной мазовецкой епархией и ее соседями: епископством Хелмно (1291 г. (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 85, 83-84), хотя полное разграничение не произошло до 1378 г.) (Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego, 1863, n. 97, 89-91), самим Орденштатом (1317 г.) (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 159, 155-157), а также кафедрой Влоцлавек, которая находится в Королевстве Польском (1321 г.) (n. 144, 145). Еще одним важным фактором стало заключение Калишского мира между Польским государством и Тевтонским орденом в 1343 году. Следовательно, представители ордена и двух мазовецких княжеств в один год подписали договор о границе, положения которого начали действовать с 1344 года (Kowalczyk, 1992, pp. 33-34). Однако политика замирения по отношению к Великому княжеству Литовскому, до того врагу, во второй четверти четырнадцатого века, оказалась для Мазовии более важной. В 1358 году с помощью, среди прочего, «старейшин и престарелых, хорошо информированных и квалифицированных, поскольку они были осторожны и разумны», граница была окончательно обозначена[11].

Вышеупомянутые изменения способствовали колонизации в соответствии с законодательством Германии. Вначале это было приурочено к имениям архиепископа Гнезненского (Великопольского) в западной Мазовии, где Янислав и его преемник Ярослав Богория из

[11] ‘assumptis ... senibus et antiquis personis scientificis et idoneis propter cautelam et maiorem tutelam ...’ (Sawicki, 1972, n. 16, 19-20); См. также (Rhode, 1955, pp. 211-219).

Скотников к 1374 году основали 56 новых деревень и городов под юрисдикцией немецких законов (Waręžak, 1952, pp. 162, 171-173); некоторые из них были помещены *in cruda radice*. Последняя четверть века была тем временем, когда мазовецкий герцог Януш I Старший (1379-1429) и его брат герцог Семовит IV (1379-1425/26) предприняли серьезные и масштабные преобразования изучаемого региона путем создания большого количества городов и деревень в соответствии с немецким законодательством. Процесс, поощряемый мазовецкими епископами, а также местной знатью, распространился на весь регион. Пространственная планировка соответствующей деревни или города была организована самыми разными способами. Если данная деревня или город существовали долгое время, его старые зональные границы можно было заменить серией искусственных пограничных маркеров (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989. n. 210 (1334), 210). В некоторых случаях окрестные села были интегрированы в новые поселения с частично или полностью новыми границами. Однако многие города и села возникли впервые. Организация их пространства должна была предшествовать захвату выбранной территории, а также точному земельному учету, и завершалась полаганием границ. Тесная связь между двумя последними видами деятельности была открыто выражена в документе о местонахождении деревни Лупиа в 1340 году: «Мы отмечаем границы, насколько это позволяют примененные *mansi*»[12]. В обиход вошла новая абстрактная мера, фламандский мансус (на польском языке: *wloka*, около 17 га)[13]. Точное землеустройство касалось не только внешних границ, но и внутреннего пространства данного села, где вся территория была поделена между поселенцами. Их земельные участки могли быть разделены линейными границами, даже если в документах об их местонахождении нет такой прямой информации[14].

Однако, несмотря на амбициозные планы архиепископов и герцогов, происходили и другие независимые процессы, за которыми следовали многочисленные размежевания. Прежде всего, в четырнадцатом веке все шире использовались более старые формы отчуждения земли, такие как дотация, продажа и передача земли. Более того, новые процессы повлияли на пространственную планировку мазовецких городов и деревень. Здесь можно упомянуть распад семейных владений и растущую практику закладывания земли в обмен на деньги. Хо-

[12] ‘Quam villam limitamus, quantum se mansi extendere poterunt in longitudine et latitudine in mensuram.’ (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 290 (1340), 294).

[13] О фламандских *mansi* и других абстрактных мерах, применявшихся в ходе колонизации в славянских странах, см. (Bartlett, 1993, pp. 139-144).

[14] Однако есть много более поздних ссылок, подтверждающих вышеуказанное мнение. См., например, очень точное описание деревни Попьен, (Ulanowski, 1902, n. 924 (1477), 450-451).

тя первые упоминания об этих практиках датируются 1377 годом, в первом мазовецком письменном статуте они оба были обычным явлением уже в течение долгого времени (Sawicki, 1972, n. 22, 30 (§§ 5, 6)).. Распад семейных владений происходил главным образом из-за растущего числа выживших потомков в дворянских семьях и из-за растущего чувства индивидуализма среди их членов. Они делили свои семейные владения на отдельные домохозяйства, владельцы которых надеялись вести самостоятельную хозяйственную деятельность. Чтобы такое разделение было принято и сделалось относительно прочным, необходимо было установить вокруг него искусственные границы. Разграничение также необходимо было провести, если земля была заложена. Размер участка определялся размером средств, взятых в долг. Любой временной передаче соответствующей территории должна была предшествовать разметка предварительной границы, которая должна была существовать до погашения ссуды и возврата земельного участка его владельцу.

В отличие от уставов двенадцатого и тринадцатого веков, некоторые акты, включая описание отчуждения земли, в четырнадцатом веке содержали такие положения, как: «в том виде, в каком [деревня] существует и располагается в своих границах»[15]; «как отмеченные границы обозначают эту деревню»[16]; «поскольку [деревня] теперь со всех сторон выделяется в своих границах и ориентирах»[17]; «в зависимости от того, как она выделена границами, ориентирами и прилегающими землями»[18]. Это не означает, что искусственные границы уже были обычным элементом повседневной жизни во всем исследуемом регионе в четырнадцатом веке. Прежде всего, это преобразование охватило в основном западную и центральную Мазовию. Кроме того, земельные тяжбы часто не сопровождались установлением искусственных границ. «Если два человека начнут спорить о пахотных полях, невозделанной земле или другой местности, человек, который заявляет, что он их арендатор, должен доказать это свидетельскими показаниями местного сообщества, называемого *ossada*, или старейшин,

[15] ‘prout consistit et est in suis terminis situata’, (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 144(1316), 141).
[16] ‘prout ipsam villam ... termini sui distincti praefigurant’(Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 172(1324), 171).
[17] ‘prout nunc inter suis terminis et limitibus circumferencialiter est distincta’, (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 173 (1325), 172).
[18] ‘quod est in suis metis, limitibus et circumferentiis distincta’, (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 211 (1333/ 1334), 211).

то есть *starczy*»[19]. Только в одной рукописи есть ссылка на искусственные границы: «любой, кто не начал возражать против линейных границ (*pro graniciis*) и молчал три года, должен молчать и в дальнейшем»[20]. Как было показано, процитированный документ относится к западной и центральной частям Мазовии, которые были более развитыми в социально-экономическом отношении (Russocki, 1956, p. 233). Это очень важно, поскольку другие рукописи статута экономически отсталых регионов Мазовии не содержат ссылок на границы; радикальное преобразование малонаселенной и густо покрытой лесами восточной части Мазовии началось только при процветающем правлении герцога центральной и восточной Мазовии Януша I Старшего (1379–1429). Таким образом, те же явления, которые ранее возникли в более развитых частях Мазовии, распространились в тех областях в большей степени: колонизация по немецким законам, увеличение оборота земель (несмотря на запрет на предоставление герцогских земель, наложенный по просьбе дворянства в 1482 г.) (Dunin, 1880, p. 53), а также распад помещичьей собственности в дворянской среде. Те же процессы, стимулированные одновременно мазовецким князем Семовитом IV и епископами, а также местной знатью, охватили весь регион. Они привели к изменениям, которые продолжались до начала шестнадцатого века. Мазовия наконец догнала другие польские регионы в социально-экономическом развитии. Это справедливо и в отношении степени урбанизации исследуемого региона.

Теперь мы можем рассмотреть вопрос о границах в основных центрах Мазовии. Обустройство и восприятие пространства средневековых городов – сложная проблема (Samsonowicz, 1977, pp. 163-172), поэтому я собираюсь указать лишь на некоторые ее аспекты. Одной из отличительных черт городского пространства были его внешние границы, состоящие из стен, более постоянных по своему характеру, чем границы в деревне (p. 165). Тем не менее, в Мазовии даже столица Плоцк была окружена укреплениями из дерева и земли в тринадцатом веке (Szacherska, 1975, n. 12(1247), 19), а позже только три города были обнесены стеной: Плоцк и Варшава в четырнадцатом веке (Wolff, 1962, p. 37) и епископский город Пултуск, вероятно, в пятнадцатом (p. 37) или, по мнению других исследователей, в начале шестнадцатого века (Galicka & Sygietyńska, 2006, pp. 413-414). Территорию малых городов и поселков отделяли также насыпи, рвы и частоколы (p. 410). В

[19] ‘Item cum duo homines inter se moverint querimonias pro agris, campis et usibus ceteris, extunc ille, qui asserit suos usus illos esse, debet approbare cum vicinia, que dicitur *ossada,* vel cum senioribus alias *starczy.’* (Sawicki, 1972, n. 22 (1377), 33 (§ 16)).

[20] ‘Quis etiam pro graniciis ad tres annos non impediret, et tacere voluerit, in perpetuum tacebit.’ (Sawicki, 1972, n. 22 (1377), 33, (§ 16), footnote 1).

результате между городским пространством и его сельской местностью были установлены непреложные границы. По этой причине планировка городских стен и других границ повлияла на сознание горожан и сформировала их представление о пространстве, которое было структурировано дихотомией «внутри и за пределами городских стен» (*intra-extra muros*) (Wierzbowski, 1913, n. 6 (1388), 7; n. 8 (1413), 103; n. 19 (1479), 23)[21].

Включение Мазовии в состав Польского королевства (1526 г.) способствовало усилению разметки искусственных границ в местной среде. Герцогские владения были приняты польским королем Сигизмундом Старым на законных основаниях. Однако его приграничные территории в переходный период были присвоены соседскими помещиками. Еще в декабре 1526 года польский монарх направил письмо по поводу этой проблемы своему должностному лицу в округ Ломжа в северо-западной части Мазовии, в котором написал: «Мы были проинформированы о многих преступлениях в наших владениях и нарушениях ее границ соседними помещиками»[22]. Подобные ситуации, похоже, имели место и в других частях королевского владения в исследуемом регионе. Отсюда возникла необходимость вернуть утраченные земли и обозначить новые границы между ними и поместьями алчной знати. Это совпало с попытками вернуть некоторые части своего владения и навести в нем порядок, предпринятыми тем же правителем в своем королевстве (Sucheni-Grabowska, 1967). С другой стороны, сама знать уже потребовала выделения королевских владений из частных поместий в 1422 году во время кампании против Тевтонского ордена (Ohryzko, 1859, p. 37) и повторила свои требования в 1454 и 1496 годах (Grodziski, Dwomicka & Uruszczak, 1996, p. 63 (§ 9)). В ответ на эти запросы во время заседания польского парламента в Петркуве (1496 г.) (pp. 80-81 (§80)) были учреждены специальные комиссарские суды. Этот вопрос неоднократно поднимался в шестнадцатом веке (1511, 1523, 1538 гг) (247 (§ 22), 391 (§ 6); Ohryzko, 1859, p. 260). Дворяне королевства оправдывали свои требования, утверждая, что необходимо защитить владения от королевских арендаторов, которые присвоили приграничные территории поместий (Grodziski, Dwomicka & Uruszczak, 1996, p. 308 (§ 7)). Точно так же мазовецкая знать выдвинула требование провести те же операции в 1527 году: король был обязан направлять комиссаров в Мазовию каж-

[21] По поводу Плоцка см., например, (Szacherska, 1975, n. 39 (1363), 64; n. 17 (1426), 167; Poppe, 1995, n. 290 (1510), 149).
[22] ‘edocti sumus multas iniurias in bonis nostris et eorum limitibus nobis inferri per nobiles eisdem bonis vicinos’, (Sawicki, 1974, n. 266, 11).

дый раз, когда об этом просил местный землевладелец (Sawicki, 1974, n. 272, 16). Несомненно, дворяне рассчитывали на юридическое подтверждение своей законной собственности на земли, находившиеся в незаконном владении. Однако значительные разграничения оказались выгодны польскому королю. Им предшествовало точное обследование рассматриваемого поля и сравнение его общей площади с количеством *mansi*, пожалованных герцогом и упомянутых в договоре дарения. Иногда частные владения были вдвое больше, чем положено[23]. Следовательно, часть незаконно присоединенных территорий (*excrescentiae, residuitates*) могла быть выкуплена их пользователями, но большая часть обследованных территорий была присоединена к королевскому владению и отграничена. Представляется, что линейные искусственные границы во многих местах были проведены впервые. Примечательно, что проблема присвоения полей затронула не только королевские владения в начале второй четверти шестнадцатого века, но возникла и в других поместьях. Можно обратиться к примерам такого явления уже со второй и третьей четверти пятнадцатого века на северо-западе Мазовии (Wiśniewski, 1973, pp. 132-133, 149-150), в имении архиепископа Гнезненского в Ловицкой кастеллании в начале шестнадцатого века (Wajs, 1986, pp. 64-65), а также на мызе каноников Соборной церкви Святого Иоанна в Варшаве, несколько позже (Ulanowski , 1926, n. 61 (1528), 63). Таким образом, проблема аннексированных земель, похоже, была обычным явлением в позднесредневековой Мазовии.

Королевские комиссары осматривали не только те дворянские поместья, которые граничили с владениями Сигизмунда Старого, но и другие. Это вызвало протесты знати, которая потребовала от короля изменить свои планы. Во время сессии польского парламента в Петркуве в 1538 году было проведено голосование, по которому поместья, границы которых были описаны в королевских грамотах или, по крайней мере, ранее одобрены королевскими комиссарами, были освобождены от обязанности пересмотра и демаркации границ (Sawicki, 1974, n. 354 (1538), 122). Это относилось и к поместьям, примыкающим к королевскому владению. Королю удалось только добиться обязательной проверки, подтверждающей размеры и границы всех прочих имений. Таким образом, можно сделать вывод, что за окончательным включением Мазовии в состав Польского королевства последовало крупномасштабное местное размежевание. Распростра-

[23] Например, деревня Гломбоч; см. в Warsaw, the Archiwum Glowne Akt Dawnych, zbior Ignacy Kapicy-Milewskiego (Central Archive of the Old Records in Warsaw; the collection by I. Kapica-Milewski) (hereafter Kap.), records of Lomza district, box n. № 57, 372-373 (1535).

нение этого процесса указывает не только на конкуренцию между монархом, дворянством и духовенством. Эти разграничения отражали общую тенденцию в политике ранних современных правителей Европы организовывать пространство в своих королевствах. Такие начинания, как восстановление королевских владений (Sucheni-Grabowska, 1967, pp/ 77-81), содействие реорганизации пространственного порядка в деревне (Ochmański, 1960, pp. 329-342), а также попытки унификации земельных мер (Kula, 1970, pp. 209-210) подтверждают эту тенденцию.

Распространение делимитации в позднем средневековье и раннем современном Мазовии имело множество последствий. Во-первых, новую роль стали играть искусственные границы. Помимо таких традиционных функций, как отделение и защита одного участка земли от других, они также позволяли землевладельцам избегать таможенных обременений. По соглашению в Лонкошине [Łąkoszyn] (1424/1426), заключенному дворянством, земли помещиков, обозначенные линейными границами, перестали быть доступными для чужих стад, которые паслись здесь осенью и зимой в силу прежних обычаев (Sawicki, 1972, n. 70, 125 (§ 32)). Более того, отсутствие искусственных границ вокруг села позволяло крестьянам оправдывать свою задолженность по платежам: «жители... просили, чтобы с момента демаркации границ вводились налоговые льготы, поскольку они столкнулись с отсутствием безопасности для них в отношении обработки любых земель и заботы о своих домах [<как> ранее], что стало невозможным»[24].

Искусственные границы определяли материальную базу и социальное положение отдельного помещика и его семьи. Кроме того, он воспринимал свою усадьбу как личное пространство, унаследованное от отца и служившее материальной связью с его предками. Иногда пограничный спор заставлял стороны вспомнить свои семейные традиции и, следовательно, способствовал формированию их идентичности:

> *...в результате раздела земель наши предки, то есть наш покойный прадед Дажбог и покойный дедушка Пакош, взяли в свои владения и удерживали поместье Хлебово в нынешних границах более шестидесяти лет; впоследствии наши отцы [предки], то есть Михаил, отец Павла, Станислава и Алекса, вместе с его братьями и сестрами владели этой усадьбой более трех лет; и мы, после наших предшественников, владели им более трех лет до первого упоминания об этом имении.*[25]

24 ‘incolae ... petierunt, ut eis libertas iret a tempore limitum, attento quod propter insecuritatem nihil potuerunt extirpare ac aedificii intendere’

25 ‘ Jako przothkowe naschy tho yest przedzyath nasch Nyegdy daczbog y dzyath nyegdy pakosch poszyedly y dzerszely ymyenye Chlebowo po Rasdzyale yakj (!) dzedzyczy wlaszny yako tho ymyenye sza

Так заявил один из Мазовецких истцов в 1525 году. Земля была вещественной связью со временами предков. Эта связь также отражалась в словаре, касающемся унаследованной земли, которая называлась *hereditas/dziedzina* («земля дедушки») или, реже, *patrimonium/oyczyszna* («земля отца», в современном польском языке: «родина»). В этом контексте показателен случай, когда герб помещика был выгравирован на пограничных камнях в 1509 году[26]. Это доказывает, что средневековые мазовшане не думали о своих владениях исключительно в денежном выражении. Они воспринимали унаследованную усадьбу как что-то вроде частного микромира, простирающегося вокруг самой важной точки личного пространства: дома[27]. Неудивительно, что приграничные районы нередко становились местом вспышек агрессии и ссор. Под угрозой землевладельцы были готовы защищать свои владения любой ценой. Например, разграничение пахотных полей в 1485 году привело к тому, что <некий> помещик потерял часть своей земли. В дальнейшем он отчаянно пытался отстоять прежний *статус-кво*. «Если он отдаст кому-нибудь мою пустующую землю, я убью этого человека, прежде чем он посягнет на нее и вспашет ее; и эта земля будет залита кровью»[28], – предупредил Бартломей, местный помещик. В данном случае никакого вреда причинено не было, и Бартломей был вызван в суд. В иных случаях конфликт не исчерпывался словами. Если свидетельство старейшин было невыгодно помещику, он все же мог напугать их и заставить быстро отступить (Handelsman, 1920,), n. 729 (1407), 52-53). Согласно одному из параграфов *Второго Мазовецкого кодекса*, который называется «*Кодекс Горынского*» (1540 г.), делимитация вызывала и более драматичное поведение, когда в гневе землевладельцы прибегали к кулачным боям против своих соседей, свидетелей и старейшин (Sawicki, 1974, p. 211 (§219))[29]. По сравнению с этими случаями разрушение пограничных маркеров во владениях, принадлежавших главе Плоцка, и присвоение сторожами участка на границе кажется тривиальным случаем (Ulanowski, 1915, n. 289 (1565), 250).

---

wszwych granyczach ma viszy szesczy dzyesath lath a pothem oyczovye naschi tho yesth Mikolay oczecz pawlow y stanyslawow (!) oczecz alexego sbracza yego y syostramy viszy trzech lath y my po oyczach swych yestesmy wposeszy do wydanya pyrwszego poszw o tho ymyenye.' (Kuraszkiewicz & Wolff, 1950, n. 2317, 230).

[26] Acta capitulorum necnon iudiciorum ecclesiasticorum selecta, (Ulanowski, 1908, n. 209 (1509), 135).

[27] О правовом положении частного дома в правовой системе Мазовии см. (Myśliwski, 1999b, 142-147, 151-158).

[28] 'si alicui ager cesserit meus extirpatus, ilium ego, quamprimum transibit arare, eum interficiam et iste ager perfundetur sanguine', (Ulanowski, 1908, n. 144 (1485), 54).

[29] Zwod Gorynskiego (Gorynski's Code)

Поскольку человек позднего средневековья был привязан к своему собственному владению, он испытывал земельный голод, который побуждал его расширяться. Эта общая тенденция нашла свое отражение в частоте случаев разрушения пограничных маркеров и в попытках изменить линии границ в ущерб соседям. Невозделанные гребни вспахивали, земляные насыпи выравнивали (Sawicki, 1972, n. 99 (1452), 178 (§ 4)) или пристраивали к соседнему имению (Handelsman, 1920, n. 1987-1413, 141; Lubomirski, 1879, n. 184 (1410), 30; Kuraszkiewicz & Wolff, 1950, n. 1862(1501), 167), специально обозначенные деревья поджигали или вырубали (Lubomirski, 1879, n. 184 (1410), 30;), как и живую изгородь, иногда отметины на деревьях стирались путем опаливания коры, даже пограничные ручьи перенаправлялись в специально вырытые новые русла, чтобы отобрать часть соседнего участка (Włodarski, 1918, n. 427 (1427), 65).

Все подобные инциденты выливались в пограничные споры, которые можно было разрешить только путем установления новых границ. В пятнадцатом и шестнадцатом веках это обычно происходило в местном суде, а в исключительных случаях вмешивался сам герцог, как это произошло в Плоцке в 1435 году (Szacherska, 1975, n. 121, 183). Однако, за несколькими исключениями из правил, даже в таком важном центре, как Плоцк, нет упоминаний о значительных пограничных спорах внутри самого города. Можно предположить, что это произошло благодаря компактной планировке больших городов, некоторые из которых были окружены стенами, например Плоцк, Варшава и Пултуск: их пространство было разделено не только улицами и рядами домов, но и низкими стенами на частных границах. «Эта низкая стена должна быть построена на границе, или *namiedze*», – отмечалось в городской книге Варшавы в 1458 году[30]. Соответственно, пространство внутри городских стен было плотно застроено; поэтому не было необходимости размечать границы так же, как в сельской местности. Однако это касалось только трех упомянутых городов. У большинства мазовецких городов и поселков не было внешних стен, но их планировка напоминала компактные деревни, построенные по немецким законам (Samsonowicz, 1994, pp. 273-274). Таким образом, можно рассматривать аграрные города и сельские поселения в Мазовии совместно. Можно предположить, что эти городские границы были похожи на сельские, и споры о них происходили в этих городах так же, как и в деревнях.

[30] ‘Qui murus debet esse muratus in granicie alias *na medze.'* (Wolff, 1953, n. 36, 16).

Большое количество судебных споров о границах и демаркациях последовало за культурным процессом индивидуализации восприятия пространства. Отношение мазовшан к пространству стало гораздо более деятельным, чем в двенадцатом и тринадцатом веках. В период позднего средневековья и раннего Нового времени мазовшанам удалось взять под контроль пространство с помощью искусственных ориентиров, а также абстрактных единиц измерения земли. Благодаря этим двум средствам им удалось в значительной степени упорядочить площади в соответствии со своими потребностями и желаниями, а не в соответствии с особенностями местности. Мазовецких землевладельцев стали называть *granicznicy* («пограничниками») в шестнадцатом веке (Gieysztorowa & Żaboklicka, 1967b, p. 59). Огромное значение линейных искусственных границ сказалось и на их форме. Безусловно, особенности природной среды и культурного ландшафта попрежнему выступали в качестве пограничных знаков (например, одной точкой границы, выбранной в 1439 году, было гнездо аиста) (Lubomirski, 1879, p. 8, n. 2 (1439)), как и традиционные сваи и изгороди. Однако растущая ценность земли в экономическом, не говоря уже о психологическом смысле, а также распространение точных топографических исследований вынудили мазовецкое население изобретать новые способы разделения земель. Элементы, определяющие прокладывание границ в соответствии с человеческой волей, удовлетворяли эти потребности. Обычно использовались две основные формы. Первая состояла из насыпей из земли или камней (*scopuli*, польск.: *kopce*), иногда двойных или тройных (польск.: *kopce uszate*, буквально: «курганы с ушами») (Gieysztorowa & Żaboklicka, 1967a, p. 191)[31]. X-образный знак, вырезанный на стволах деревьев (польск.: *ciosno*), был вторым важным ориентиром в Мазовии между четырнадцатым и шестнадцатым веками. Они, конечно, не были полностью независимыми от природных условий, но благодаря им можно было обозначить линейные границы на любой местности. Другие маркеры включали вышеупомянутый пример гравировки герба владельца на пограничном камне, а также вбивания деревянного христианского креста в землю на границе (Lubomirski, 1879, n. 800 (1416), 51). Также рыли специальные канавы (Sulkowska-Kuraś & Kuraś, 1989, n. 216 (1334/1336), 220), которые иногда вымащивали камнями (Sawicki, 1972, n. 83 (1435), 147), чтобы обозначить границу на земле. Мы можем добавить примеры высоких внешних стен, укреплений из дерева и земли, а кроме того частоколы, а также низкие внутренние стены между усадьбами в городах. В случае пересечения водной площади

[31] Inwentarz starostwa plockiego 1572

соседи чаще всего заключали соглашение, проводя условную линию, разделяющую пополам их пограничную реку или озеро (Włodarski, 1918, n. 765(1429), 120); однако иногда в качестве пограничного пункта служила вбитый в дно деревянный шест (Ulanowski, 1908, n. 290(1509), 135).

Поздние средневековые и ранние современные границы в Мазовии состояли из большего разнообразия элементов, чем в двенадцатом и тринадцатом веках. Появились и терминологические отличия: в пятнадцатом и шестнадцатом веках названия пограничных знаков также были записаны на польском языке. Помимо латинской и народной топонимики, также существовали индивидуальные обозначения границ. Например, пограничные деревья назывались «дуб, именуемый “Сгоревшим”» и «герцогский ясень» (Włodarski, 1930, n. 60 (1429), 12)[32]. Социальная память таким способом сохранила два важных события: местный пожар и присутствие герцога поблизости, а также его активное участие в разграничении. Таким образом, можно сказать, что локальные границы и их составляющие также играли роль вещественных напоминаний о прошлых событиях, важных для местных сообществ.

Между четырнадцатым и шестнадцатым веками Мазовия претерпела решающую трансформацию. Население увеличилось вдвое в период позднего средневековья и раннего современного периода (Gieysztorowa, 1962, p. 158); массовые поселения, возделывание и освоение обширных территорий, а также распространение искусственных границ повлияли на восприятие и описание пространства, что отражено в документах. Вместо того, чтобы рассматривать пространство как сеть отличительных точек, центров, окруженных аморфными элементами, описание территорий стало становиться гораздо точнее. Тогдашние хартии содержат многочисленные ссылки на «города, поселки и деревни», дополненные перечислением всех возможных зависимостей, а также особенностей природного ландшафта. Хартии также демонстрируют значение искусственных границ в отдельных статьях, например, «эти города и деревни были разграничены и очерчены по всей длине и ширине, а вокруг маркированы границами и пограничными знаками» (Sawicki, 1972, n. 98 (1451), 175). Цитата может быть признана уместным кратким изложением трансформации, имевшей место в устройстве, а также восприятия пространства в Мазовии между двенадцатым и шестнадцатым веками.

[32] ‘usque arborum (!) dictum Kanssyyessen’

В отличие от местных границ, внешние границы изучаемого региона носили естественный характер до 1437 г., когда на тевтонско-мазовецком фронтире был установлен первый рукотворный маркер (дубовый столб, окруженный насыпью камней) (Kowalczyk, 1992, p. 53). Искусственные границы на государственных рубежах были редкостью в пятнадцатом и шестнадцатом веках, в то время как во внутренних местностях искусственные указатели были обычным явлением, за исключением нескольких мест, «где не было пограничных знаков, а только пользование и владение»[33]. Это различие подтверждает мнение Ханса Юргена Карпа о том, что искусственные границы появились впервые на небольших усадьбах (Karp, 1972, p. 118). Поэтому их появление можно интерпретировать как указание на определенные социально-экономические и культурные процессы. Как видим, местная граница – это не только локальный вопрос. История искусственных линейных границ в Мазовии формировалась под влиянием различных факторов, внутренних и внешних, природных, демографических, экономических, социальных, политических и культурных. Локальные границы – это не только интересная тема для исследований, но и одна из концепций культуры, с помощью которой может быть достигнуто полное представление о прошлом.

Список литературы

Banaszkiewicz, J. (1979). Fabularyzacja przestrzeni. Średniowieczny przykład granic [Mythifying space. The medieval example of boundaries]. *Kwartalnik Historyczny,* (86), 987-999. (In Polish)

Banaszkiewicz, J. (1986). Jedność porządku przestrzennego, społecznego i tradycji początków ludu (uwagi o urządzeniu wspólnoty plemienno-państwowej u Słowian) [The unity of spatial and social order and the tradition of the origins of the nation: some remarks on the arrangement of tribal and state community among the Slavs]. *Przegląd Historyczny,* (77), 445-466. (In Polish)

Banaszkiewicz, J. (1998). *Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka [Fabulous history of Poland after Master Vincent nicknamed Kadłubek]*. Wrocław. (In Polish)

Bartlett, R. (1993). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950-1350*.

Biskup, M., & Labuda, G. (1988). *Dzieje zakonu krzyżackiego w Prusach: gospodarka, społeczeństwo, państwo, ideologia [The history of the Teutonic Order in Prussia]*. (In Polish)

[33] ‘ubi ante nulla signa granicialia fuerunt, solum ursus et possessio’, ZG, 169 (§ 90).

Czarnowski, S. (1925). Le morcellement de l'étendue et sa limitation dans la religion er la magie [The fragmentation of the area and its limitation in religion and magic]. In *Actes du IV Congres International d'Histoire des Religions [Proceedings of the IV International Congress on History of Religions] (*pp. 339-358*).* Paris. (In French)

Dunin, K. (1880). *Dawne mazowieckie prawo [The Masovian Old Law]*. Warsaw. (In Polish)

Galicka, I. & Sygietyńska, H. (2006). Sztuka gotycka (XIV- początek XVI w.). In A. Gieysztor, H. Samsonowicz (Eds.) *Dzieje Mazowsza do roku 1526*, (pp. 401-446). Warsaw. (In Polish)

Gasiorowski, A. (1977). Rex Ambulans. *Quaestiones Medii Aevi,* (1), 139-162.

Geremek, B. (1997). Poczucie przestrzeni i świadomość historyczna [The perception of space and historical consciousness]. In B. Geremek (Ed.) *Kultura Polski średniowiecznej XIV-XV w. [The history of Polish culture in the fourteenth and the fifteenth centuries]* (pp. 637-642). Warsaw. (In Polish)

Gieysztor, A. & Samsonowicz, H. (Eds.). (1994). *Dzieje Mazowsza do 1526 roku[A history of Masovia to 1526]*. Warsaw. (In Polish)

Gieysztorowa, I. (1962). *Demografia mazowieckiego tysiąclecia* [*A demography of Masovian history*] . In *1962 - Rok Ziemi Mazowieckiej 1962- Year of the Masovian region]*. Płock. (In Polish)

Gieysztorowa, I., & Żaboklicka, A. (Eds.) (1967a). Inwentarz starostwa plockiego 1572 [The inventory of the royal demesne around Plock]. In *Lustracja województwa mazowieckiego, 1565 [The description of the inspections of Plock province]* (p. 161–207). Warsaw. (In Polish)

Gieysztorowa, I., & Żaboklicka, A. (Eds.). (1967b). *Lustracja województwa mazowieckiego, 1565,* vol. 1 *[The description of the inspection of the Masovian province]*. Warsaw. (In Polish)

Górecki, P. (1993). Parishes, Tithes and Society in Earlier Medieval Poland c. 1100-c. 1250. Philadelphia. *Transactions of the American Philosophical Society,* 83(2), Doi:10.2307/1006491

Górecki, P. (1999). Community, Memory and Law in Medieval Poland. In S. Kirschbaum (Ed.) *Historical Reflections on Central Europe*, (15-26). London and New York. Doi:10.1007/978-1-349-27112-2_3

Grodecki, R. (Ed.). (1949). *Księga Henrykowska.* Poznan. (In Polish)

Grodziski, S., Dwomicka, I. & Uruszczak, W. (Eds.). (1996). *Volumina Constitutionum,* vol. 1, part 1 (1493-1526). Warsaw.

Handelsman, M. (Ed.). (1920). *Księga ziemi płońskiej (1400-1417) (The book of the noble court in Płońsk) [The book of the noble court in Płońsk].* Warsaw. (In Polish)

Karp, H. (1972). *Grenzen in Ostmitteleuropa während des Mittelalters: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Grenzlinie aus dem Grenzsaum [Borders in Central*

Europe during the Middle Ages. A contribution to the genesis of the border line from the border line]. Cologne and Vienna. (In German)

Kiersnowski, R. (1960). Znaki graniczne w Polsce średniowiecznej [Boundary-markers in medieval Poland], *Archeologia Polski*, (5), 257-289. (In Polish)

Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego [The collection of documents from the Masovian Dukedom]. (1863). Warsaw. (In Polish)

Korwin-Kochanowski, J. (1919). *Zbiór spominków i przywilejów mazowieckich [The collection of Masovian charters and excerpts; hereafter ZSPM]*. Warsaw. (In Polish)

Kossmann, O. (1993). Vom altpolnischen Opole, schlesischen Weichbild und Powiat des Adels [From the old Polish Opole, Silesian Weichbild and discrict of the nobility]. *Zeitschrift für Ostforschung,* (42), 161-194. (In German)

Kowalczyk, E. (1992). Topografia granicy mazowiecko-krzyzackiej w świetle ugody granicznej z listopada 1343 roku [The topography of the boundary between Masovia and the Teutonic Order in the light of the boundary treaty of November 1343]. *Kwartalnik Historyczny*, 99, 33-58. (In Polish)

Kula, W. (1970). *Miary i ludzie [Measures and men]*. Warsaw. (In Polish)

Kuraszkiewicz, W., & Wolff, A. (1950). *Zapiski i roty polskie XV-XVI wieku: Z ksiąg sądowych ziemi warszawskiej [Records and oaths from the fifteenth and sixteenth centuries written in Polish from the court's books of the Warsaw district]*. Krakow. (In Polish)

Kürbis, B. (1968). Najstarsze dokumenty opactwa benedyktynów w Mogilnie (XI-XII w.) [The oldest charters of the Benedictine abbey in Mogilno, the eleventh and twelfth centuries]. *Studia Źródłoznawcze*, (13), 27-61. (In Polish)

Łaguna, S. (1875). *O prawie granicznem polskiem [On Polish boundary law]*. Warsaw. (In Polish)

Lalik, T. (1970). *Sors et aratrum*. Contribution a 1'histoire sociale de la grande propriété domaniale en Pologne et en Bohême au Moyen Age [*Sors et aratrum*. Contribution to the social history of large estate in Poland and Bohemia in the Middle Ages]. *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, (17), 3-22. (In French)

Lubomirski, J. T. (Ed.). (1879). *Księga ziemi czerskiej [The book of the noble court in Czersk district]*. Warsaw. (In Polish)

Mączak, A. (1986). *Rządzący i rządzeni: Władza i społeczeństwo w Europie wczesnonowożytnej [Rulers and the ruled: power and society in early modem Europe]*. Warsaw. (In Polish)

Maleczyński, K. (Ed.). (1952). *Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum.* In *Monumenta Poloniae Historica: Series Nova, vol. 2*. Cracow.

Manteuffel, T. (1929). *Metoda oznaczania granic w geografii historycznej [The method of boundary marking in historical geography]*. In *Księga pamiątkowa dla prof. M. Handelsmana [Studies offered to Profesoor M. Handelsman]* (pp. 221-228), Warsaw. (In Polish)

Matuszewski, J. (1991). *Vicinia id est ...: poszukiwania alternatywnej koncepcji staropolskiego opola [A search for an alternative theory on medieval neighbourhood community]*. Łódź. (In Polish)

Modzelewski, K. (1975). *Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego: X-XIII wiek [The economic organisation of the Piast state from the tenth to the thirteenth centuries]*. (In Polish)

Modzelewski, K. (1977). The system of the Ius Ducale and the idea of feudalism (Comments on the earliest class society in medieval Poland). *Quaestiones MediiAevi*, (1), 71-99.

Modzelewski, K. (1987). *Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej [Peasants in the monarchy of the Piasts]*. Wroclaw. (In Polish)

Modzelewski, K. (1988). L'organisation de l'opole (*vicinia*) dans la Pologne des Piasts [The organization of opole (*vicinia*) in Piasts Poland]. *Acta Poloniae Historica*, (57), 43-76. (In French)

Myśliwski, G. (1999a). Boundary delimitation in Medieval Poland. In S. Kirschbaum (Ed.) *Historical Reflections on Central Europe* (pp. 27-36). London and New York.

Myśliwski, G. (1999b). *Człowiek średniowiecza wobec czasu i przestrzeni (Mazowsze od XII do poł. XVI wieku) [Medieval man towards time and space: the Masovia region from the twelfth until the mid-sixteenth centuries]*. Warsaw. (In Polish)

Natanson-Leski, J. (1953). *Zarys granic i podziałów Polski najstarszej [The course of borders and divisions in early medieval Poland]*. (In Polish)

Ochmański, J. (1960). La grande réforme agraire en Lituanie et en Ruthénie Blanche au XVIe siècle. *Ergon*, (2), 329-342. (In French)

Ohryzko, J. (Ed.). (1859). *Volumina legum*. St Petersburg.

Pacuski, K. (1982). Żyra. In *Słownik starożytności słowiańskich [The dictionary of Slavic antiquities]*, vol. 7. (pp. 274–275). Wrocław. (In Polish)

Podwińska, Z. (1971). *Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wcześniejszym średniowieczu: źreb, wieś, opole [The structural changes of rural settlement in earlier medieval Poland: household, village, neighbourhood community]*. Wrocław.(In Polish)

Poppe, D. (Ed.) (1995). *Księga ławnicza miasta Płocka: 1489-1517 [The book of the lower town court of Plock]*. Warsaw(In Polish)

Rhode, G. (1955). *Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung [The eastern border of Poland. Political development, cultural significance and spiritual impact]*. Cologne and Graz. (In German)

Russocki, S. (1956). Z badań nad statutami książąt mazowieckich z XIV i XV wieku [Research on Masovian ducal statutes of the XIV and XV centuries]. *Czasopismo Prawno-Historyczne*, (8), 227-252. (In Polish)

Russocki, S. (1961). *Formy władania ziemią w prawie ziemskim Mazowsza (koniec XIV- połowa XVI wieku) [Forms of lordship over land in Masovian county law:*

from the end of the fourteenth to the middle of the sixteenth centuries]. (In Polish)

Samsonowicz, H. (1975). Piastowskie Mazowsze a Królestwo Polskie XIII-XV w. [Masovia under the Piast dynasty and the Kingdom of Poland]. In R. Heck (Eds.) *Piastowie w dziejach Polski [The Piast dynasty in the history of Poland]* (115–134). Wrocław. (In Polish)

Samsonowicz, H. (1977). La Conception de l'espace dans la cité médiévale [The Design Of Space In The Medieval City]. *Quaestiones Medii Aevi,* (1), 163-172.

Samsonowicz, H. (1994). Gospodarka i społeczeństwo (XIII - początek XVI) [Economy and society from the thirteenth to the beginning of the sixteenth centuries]. In Gieszytor, A. & Samsonowicz, H., (Eds.) *Dzieje Mazowsza do 1526 roku* (pp. 249-293). (In Polish)

Sawicki, J. (1972). *Iura Masoviae terrestria: Pomniki dawnego prawa mazowieckiego ziemskiego. T. 1. [Iura Moscoviae terrestrial: Monuments of the old Masovian land law. Vol. 1.]*. Warsaw. (In Polish)

Sawicki, J. (1974). *Iura Masoviae terrestria: Pomniki dawnego prawa mazowieckiego ziemskiego. T. 3. [Iura Moscoviae terrestrial: Monuments of the old Masovian land law. Vol. 3.]*. Warsaw. (In Polish)

Sondel, J. (1997). *Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków [Latin dictionary for lawyers and historians]*. Cracow. (In Polish)

Stomma, L. (1986). *Campagnes insolites: Paysannerie polonaise et mythes européens [Unusual campaigns: Polish peasantry and European myths]*. (in French)

Sucheni-Grabowska, A., (1967). *Odbudowa domeny królewskiej w Polsce 1504-1548 [Rebuilding the royal domain in Poland 1504-1548]*. Wrocław. (In Polish)

Suchodolska, E. (1994). ‘Dzieje polityczne (połowa XIII - połowa XIV) [Political History from the middle of the thirteenth to the middle of the fourteenth century]. In Gieysztor, A., & Samsonowicz, H. (Eds.) *Dzieje Mazowsza do 1526 roku (*pp. 177–212*).* (In Polish)

Sulkowska-Kuraś, I. & Kuraś, S. (Eds). (1989). *Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza [The new collection of Masovian charters).* Warsaw. (In Polish)

Szacherska, S. M. (Ed.) (1975). *Zbiór dokumentów i listów miasta Płocka, vol. 1 (1065-1495) [The collection of documents and letters of Plock]*. Warsaw. (In Polish)

Tomicka, J. & Tomicki, R. (1975). *Drzewo życia: Ludowa wizja świata i człowieka [Tree of Life. Folk views on man and the world]*. (In Polish)

Trawkowski, S. (1969). Kaźn kasztelana Bolesty (1170) w tradycji płockiej [The martyrdom of the castellan Bolesta according to the records of Płock]. *Studia Źródłoznawcze,* 14, 53-61. (In Polish)

Tymieniecki, K. (1912). *Majętność książęca w Zagościu i pierwotne uposażenie klasztoru Joannitów, na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy [The ducal estate in Zagosc and the original endowment of the house of the Hospitallers of St John in the context of the settlement in the lower Nida river basin]*. Cracow. (In Polish)

Tymieniecki, K. (1920). N*ajdawniejsze Księgi sądowe mazowieckie [The oldest Mazovian court books]*. Warsaw. (In Polish)

Ulanowski , B. (Ed.). (1926). *Acta Ecclesie Collegiatae Varsoviensis*. In *Archiwum Komisji Prawniczej*. Vol. 6 *[The Archive of the Juridical Committee]*. Cracow. (In Polish)

Ulanowski, B. (Ed.) (1915). *Acta capituli Plocensis: Ab anno 1514 ad annum 1577*. Krakow. (In Polish)

Ulanowski, B. (Ed.). (1902). *Acta capitulorum necnon iudiciorum ecclesiasticorum selecta*, vol. 2. Cracow.

Ulanowski, B. (Ed.). (1908). *Acta capitulorum necnon iudiciorum ecclesiasticorum selecta*, vol. 3. Cracow. (In Polish)

Wajs, H. (1986). *Powinności feudalne chłopów na Mazowszu od XIV do początku XVI wieku: (w dobrach monarszych i kościelnych) [The feudal burdens of peasants in Masovia from the fourteenth to the beginning of the sixteenth centuries]*. Wrocław. (In Polish)

Warężak, J. (1952). *Osadnictwo kasztelanii łowickiej, 1136-1847. [Settlement in the castellani of Lowicz]*. Łódź. (In Polish)

Wierzbowski, T. (Ed.). (1913). *Przywileje królewskiego miasta stołecznego Starej Warszawy, 1376-1772 [The charters of the royal town of Old Warsaw]*. Warsaw. (In Polish)

Wiśniewski, J. (1973). Dzieje osadnictwa w powiecie grajewskim do połowy XVI wieku [The history of the settlement in the Grajewo district up to the middle of the sixteenth century]. In *Studia i materiały do dziejów powiatu grajewskiego. Vol. 1* [Studies and records concerning the history of Grajewo district] (pp. 9-253). Warsaw. (In Polish)

Włodarski, A. (Ed.). (1918). *Metryka księstwa mazowieckiego, vol. 1 (1417—1429) [The Register of diplomas of the Masovian Dukedom]*. Warsaw. (In Polish)

Włodarski, A. (Ed.). (1930). *Metryka księstwa mazowieckiego, vol. 2 (1417—1429) [The Register of diplomas of the Masovian Dukedom]*. Warsaw. (In Polish)

Wolff, A. (1962). *Studia nad urzędnikami mazowieckimi 1370-1526 [Studies on Masovian officials 1370-1526]*. Wrocław. (In Polish)

Wolff, A. (Ed.). (1953). *Księga radziecka miasta Starej Warszawy[Town council's book of the city of Old Warsaw]*. Wrocław.

References

Banaszkiewicz, J. (1979). Fabularyzacja przestrzeni. Średniowieczny przykład granic [Mythifying space. The medieval example of boundaries]. *Kwartalnik Historyczny*, (86), 987-999. (In Polish)

Banaszkiewicz, J. (1986). Jedność porządku przestrzennego, społecznego i tradycji początków ludu (uwagi o urządzeniu wspólnoty plemienno-państwowej u

Słowian) [The unity of spatial and social order and the tradition of the origins of the nation: some remarks on the arrangement of tribal and state community among the Slavs]. *Przegląd Historyczny,* (77), 445-466. (In Polish)

Banaszkiewicz, J. (1998). *Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka [Fabulous history of Poland after Master Vincent nicknamed Kadłubek]*. Wrocław. (In Polish)

Bartlett, R. (1993). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950-1350*.

Biskup, M., & Labuda, G. (1988). *Dzieje zakonu krzyżackiego w Prusach: gospodarka, społeczeństwo, państwo, ideologia [The history of the Teutonic Order in Prussia]*. (In Polish)

Czarnowski, S. (1925). Le morcellement de l'étendue et sa limitation dans la religion er la magie [The fragmentation of the area and its limitation in religion and magic]. In *Actes du IV Congres International d'Histoire des Religions [Proceedings of the IV International Congress on History of Religions] (*pp. 339-358*).* Paris. (In French)

Dunin, K. (1880). *Dawne mazowieckie prawo [The Masovian Old Law]*. Warsaw. (In Polish)

Galicka, I. & Sygietyńska, H. (2006). Sztuka gotycka (XIV- początek XVI w.). In A. Gieysztor, H. Samsonowicz (Eds.) *Dzieje Mazowsza do roku 1526*, (pp. 401-446). Warsaw. (In Polish)

Gasiorowski, A. (1977). Rex Ambulans. *Quaestiones Medii Aevi,* (1), 139-162.

Geremek, B. (1997). Poczucie przestrzeni i świadomość historyczna [The perception of space and historical consciousness]. In B. Geremek (Ed.) *Kultura Polski średniowiecznej XIV-XV w. [The history of Polish culture in the fourteenth and the fifteenth centuries]* (pp. 637-642). Warsaw. (In Polish)

Gieysztor, A. & Samsonowicz, H. (Eds.). (1994). *Dzieje Mazowsza do 1526 roku[A history of Masovia to 1526]*. Warsaw. (In Polish)

Gieysztorowa, I. (1962). *Demografia mazowieckiego tysiąclecia* [*A demography of Masovian history*] . In *1962 - Rok Ziemi Mazowieckiej 1962- Year of the Masovian region]*. Płock. (In Polish)

Gieysztorowa, I., & Żaboklicka, A. (Eds.) (1967a). Inwentarz starostwa plockiego 1572 [The inventory of the royal demesne around Plock]. In *Lustracja województwa mazowieckiego, 1565 [The description of the inspections of Plock province]* (p. 161–207). Warsaw. (In Polish)

Gieysztorowa, I., & Żaboklicka, A. (Eds.). (1967b). *Lustracja województwa mazowieckiego, 1565,* vol. 1 *[The description of the inspection of the Masovian province]*. Warsaw. (In Polish)

Górecki, P. (1993). Parishes, Tithes and Society in Earlier Medieval Poland c. 1100-c. 1250. Philadelphia. *Transactions of the American Philosophical Society*, 83(2), Doi:10.2307/1006491

Górecki, P. (1999). Community, Memory and Law in Medieval Poland. In S. Kirschbaum (Ed.) *Historical Reflections on Central Europe*, (15-26). London and New York. Doi:10.1007/978-1-349-27112-2_3

Grodecki, R. (Ed.). (1949). *Księga Henrykowska.* Poznan. (In Polish)

Grodziski, S., Dwomicka, I. & Uruszczak, W. (Eds.). (1996). *Volumina Constitutionum*, vol. 1, part 1 (1493-1526). Warsaw.

Handelsman, M. (Ed.). (1920). *Księga ziemi płońskiej (1400-1417) (The book of the noble court in Płońsk) [The book of the noble court in Płońsk]*. Warsaw. (In Polish)

Karp, H. (1972). *Grenzen in Ostmitteleuropa während des Mittelalters: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Grenzlinie aus dem Grenzsaum [Borders in Central Europe during the Middle Ages. A contribution to the genesis of the border line from the border line]*. Cologne and Vienna. (In German)

Kiersnowski, R. (1960). Znaki graniczne w Polsce średniowiecznej [Boundary-markers in medieval Poland], *Archeologia Polski*, (5), 257-289. (In Polish)

Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego [The collection of documents from the Masovian Dukedom]. (1863). Warsaw. (In Polish)

Korwin-Kochanowski, J. (1919). *Zbiór spominków i przywilejów mazowieckich [The collection of Masovian charters and excerpts; hereafter ZSPM]*. Warsaw. (In Polish)

Kossmann, O. (1993). Vom altpolnischen Opole, schlesischen Weichbild und Powiat des Adels [From the old Polish Opole, Silesian Weichbild and discrict of the nobility]. *Zeitschrift für Ostforschung,* (42), 161-194. (In German)

Kowalczyk, E. (1992). Topografia granicy mazowiecko-krzyzackiej w świetle ugody granicznej z listopada 1343 roku [The topography of the boundary between Masovia and the Teutonic Order in the light of the boundary treaty of November 1343]. *Kwartalnik Historyczny*, 99, 33-58. (In Polish)

Kula, W. (1970). *Miary i ludzie [Measures and men]*. Warsaw. (In Polish)

Kuraszkiewicz, W., & Wolff, A. (1950). *Zapiski i roty polskie XV-XVI wieku: Z ksiąg sądowych ziemi warszawskiej [Records and oaths from the fifteenth and sixteenth centuries written in Polish from the court's books of the Warsaw district]*. Krakow. (In Polish)

Kürbis, B. (1968). Najstarsze dokumenty opactwa benedyktynów w Mogilnie (XI-XII w.) [The oldest charters of the Benedictine abbey in Mogilno, the eleventh and twelfth centuries]. *Studia Źródłoznawcze*, (13), 27-61. (In Polish)

Łaguna, S. (1875). *O prawie granicznem polskiem [On Polish boundary law]*. Warsaw. (In Polish)

Lalik, T. (1970). *Sors et aratrum.* Contribution a 1'histoire sociale de la grande propriété domaniale en Pologne et en Bohême au Moyen Age [*Sors et aratrum*. Contribution to the social history of large estate in Poland and Bohemia in the Middle Ages]. *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, (17), 3-22. (In French)

Lubomirski, J. T. (Ed.). (1879). *Księga ziemi czerskiej [The book of the noble court in Czersk district]*. Warsaw. (In Polish)

Mączak, A. (1986). *Rządzący i rządzeni: Władza i społeczeństwo w Europie wczesnonowożytnej [Rulers and the ruled: power and society in early modem Europe]*. Warsaw. (In Polish)

Maleczyński, K. (Ed.). (1952). *Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum.* In *Monumenta Poloniae Historica: Series Nova, vol. 2*. Cracow.

Manteuffel, T. (1929). *Metoda oznaczania granic w geografii historycznej [The method of boundary marking in historical geography]*. In *Księga pamiątkowa dla prof. M. Handelsmana [Studies offered to Profesoor M. Handelsman]* (pp. 221-228), Warsaw. (In Polish)

Matuszewski, J. (1991). *Vicinia id est ...: poszukiwania alternatywnej koncepcji staropolskiego opola [A search for an alternative theory on medieval neighbourhood community]*. Łódź. (In Polish)

Modzelewski, K. (1975). *Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego: X-XIII wiek [The economic organisation of the Piast state from the tenth to the thirteenth centuries]*. (In Polish)

Modzelewski, K. (1977). The system of the Ius Ducale and the idea of feudalism (Comments on the earliest class society in medieval Poland). *Quaestiones MediiAevi,* (1), 71-99.

Modzelewski, K. (1987). *Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej [Peasants in the monarchy of the Piasts]*. Wroclaw. (In Polish)

Modzelewski, K. (1988). L'organisation de l'opole (*vicinia*) dans la Pologne des Piasts [The organization of opole (*vicinia*) in Piasts Poland]. *Acta Poloniae Historica,* (57), 43-76. (In French)

Myśliwski, G. (1999a). Boundary delimitation in Medieval Poland. In S. Kirschbaum (Ed.) *Historical Reflections on Central Europe* (pp. 27-36). London and New York.

Myśliwski, G. (1999b). *Człowiek średniowiecza wobec czasu i przestrzeni (Mazowsze od XII do poł. XVI wieku) [Medieval man towards time and space: the Masovia region from the twelfth until the mid-sixteenth centuries]*. Warsaw. (In Polish)

Natanson-Leski, J. (1953). *Zarys granic i podziałów Polski najstarszej [The course of borders and divisions in early medieval Poland]*. (In Polish)

Ochmański, J. (1960). La grande réforme agraire en Lituanie et en Ruthénie Blanche au XVIe siècle. *Ergon,* (2), 329-342. (In French)

Ohryzko, J. (Ed.). (1859). *Volumina legum*. St Petersburg.

Pacuski, K. (1982). Żyra. In *Słownik starożytności słowiańskich [The dictionary of Slavic antiquities]*, vol. 7. (pp. 274–275). Wrocław. (In Polish)

Podwińska, Z. (1971). *Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wcześniejszym średniowieczu: źreb, wieś, opole [The structural changes of rural settlement in earlier medieval Poland: household, village, neighbourhood community]*. Wrocław.(In Polish)

Poppe, D. (Ed.) (1995). *Księga ławnicza miasta Płocka: 1489-1517 [The book of the lower town court of Plock]*. Warsaw(In Polish)

Rhode, G. (1955). *Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung [The eastern border of Poland. Political development, cultural significance and spiritual impact]*. Cologne and Graz. (In German)

Russocki, S. (1956). Z badań nad statutami książąt mazowieckich z XIV i XV wieku [Research on Masovian ducal statutes of the XIV and XV centuries]. *Czasopismo Prawno-Historyczne*, (8), 227-252. (In Polish)

Russocki, S. (1961). *Formy władania ziemią w prawie ziemskim Mazowsza (koniec XIV- połowa XVI wieku) [Forms of lordship over land in Masovian county law: from the end of the fourteenth to the middle of the sixteenth centuries]*. (In Polish)

Samsonowicz, H. (1975). Piastowskie Mazowsze a Królestwo Polskie XIII-XV w. [Masovia under the Piast dynasty and the Kingdom of Poland]. In R. Heck (Eds.) *Piastowie w dziejach Polski [The Piast dynasty in the history of Poland]* (115–134). Wrocław. (In Polish)

Samsonowicz, H. (1977). La Conception de l'espace dans la cité médiévale [The Design Of Space In The Medieval City]. *Quaestiones Medii Aevi*, (1), 163-172.

Samsonowicz, H. (1994). Gospodarka i społeczeństwo (XIII - początek XVI) [Economy and society from the thirteenth to the beginning of the sixteenth centuries]. In Gieszytor, A. & Samsonowicz, H., (Eds.) *Dzieje Mazowsza do 1526 roku* (pp. 249-293). (In Polish)

Sawicki, J. (1972). *Iura Masoviae terrestria: Pomniki dawnego prawa mazowieckiego ziemskiego. T. 1. [Iura Moscoviae terrestrial: Monuments of the old Masovian land law. Vol. 1.]*. Warsaw. (In Polish)

Sawicki, J. (1974). *Iura Masoviae terrestria: Pomniki dawnego prawa mazowieckiego ziemskiego. T. 3. [Iura Moscoviae terrestrial: Monuments of the old Masovian land law. Vol. 3.]*. Warsaw. (In Polish)

Sondel, J. (1997). *Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków [Latin dictionary for lawyers and historians]*. Cracow. (In Polish)

Stomma, L. (1986). *Campagnes insolites: Paysannerie polonaise et mythes européens [Unusual campaigns: Polish peasantry and European myths]*. (in French)

Sucheni-Grabowska, A., (1967). *Odbudowa domeny królewskiej w Polsce 1504-1548 [Rebuilding the royal domain in Poland 1504-1548]*. Wrocław. (In Polish)

Suchodolska, E. (1994). ‘Dzieje polityczne (połowa XIII - połowa XIV) [Political History from the middle of the thirteenth to the middle of the fourteenth century]. In Gieysztor, A., & Samsonowicz, H. (Eds.) *Dzieje Mazowsza do 1526 roku (*pp. 177–212*).* (In Polish)

Sulkowska-Kuraś, I. & Kuraś, S. (Eds). (1989). *Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza [The new collection of Masovian charters).* Warsaw. (In Polish)

Szacherska, S. M. (Ed.) (1975). *Zbiór dokumentów i listów miasta Płocka, vol. 1 (1065-1495) [The collection of documents and letters of Plock]*. Warsaw. (In Polish)

Tomicka, J. & Tomicki, R. (1975). *Drzewo życia: Ludowa wizja świata i człowieka [Tree of Life. Folk views on man and the world]*. (In Polish)

Trawkowski, S. (1969). Kaźn kasztelana Bolesty (1170) w tradycji płockiej [The martyrdom of the castellan Bolesta according to the records of Płock]. *Studia Źródłoznawcze,* 14, 53-61. (In Polish)

Tymieniecki, K. (1912). *Majętność książęca w Zagościu i pierwotne uposażenie klasztoru Joannitów, na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy [The ducal estate in Zagosc and the original endowment of the house of the Hospitallers of St John in the context of the settlement in the lower Nida river basin]*. Cracow. (In Polish)

Tymieniecki, K. (1920). N*ajdawniejsze Księgi sądowe mazowieckie [The oldest Mazovian court books]*. Warsaw. (In Polish)

Ulanowski , B. (Ed.). (1926). *Acta Ecclesie Collegiatae Varsoviensis*. In *Archiwum Komisji Prawniczej.* Vol. 6 *[The Archive of the Juridical Committee]*. Cracow. (In Polish)

Ulanowski, B. (Ed.) (1915). *Acta capituli Plocensis: Ab anno 1514 ad annum 1577.* Krakow. (In Polish)

Ulanowski, B. (Ed.). (1902). *Acta capitulorum necnon iudiciorum ecclesiasticorum selecta,* vol. 2. Cracow.

Ulanowski, B. (Ed.). (1908). *Acta capitulorum necnon iudiciorum ecclesiasticorum selecta,* vol. 3. Cracow. (In Polish)

Wajs, H. (1986). *Powinności feudalne chłopów na Mazowszu od XIV do początku XVI wieku: (w dobrach monarszych i kościelnych) [The feudal burdens of peasants in Masovia from the fourteenth to the beginning of the sixteenth centuries]*. Wrocław. (In Polish)

Warężak, J. (1952). *Osadnictwo kasztelanii łowickiej, 1136-1847. [Settlement in the castellani of Lowicz]*. Łódź. (In Polish)

Wierzbowski, T. (Ed.). (1913). *Przywileje królewskiego miasta stołecznego Starej Warszawy, 1376-1772 [The charters of the royal town of Old Warsaw]*. Warsaw. (In Polish)

Wiśniewski, J. (1973). Dzieje osadnictwa w powiecie grajewskim do połowy XVI wieku [The history of the settlement in the Grajewo district up to the middle of the sixteenth century]. In *Studia i materiały do dziejów powiatu grajewskiego. Vol. 1* [Studies and records concerning the history of Grajewo district] (pp. 9-253). Warsaw. (In Polish)

Włodarski, A. (Ed.). (1918). *Metryka księstwa mazowieckiego, vol. 1 (1417—1429) [The Register of diplomas of the Masovian Dukedom]*. Warsaw. (In Polish)

Włodarski, A. (Ed.). (1930). *Metryka księstwa mazowieckiego, vol. 2 (1417—1429) [The Register of diplomas of the Masovian Dukedom]*. Warsaw. (In Polish)

Wolff, A. (1962). *Studia nad urzędnikami mazowieckimi 1370-1526 [Studies on Masovian officials 1370-1526]*. Wrocław. (In Polish)

Wolff, A. (Ed.). (1953). *Księga radziecka miasta Starej Warszawy [Town council's book of the city of Old Warsaw]*. Wrocław.